

Черепихи Тасмана

КЛЯНУСЬ ЧЕРЕПАХАМИ ТАСМАНА

I

На лице Фредерика Трэверса лежала печать порядочности, аккуратности и сдержанности. Это было резко очерченное, волевое лицо человека, привыкшего к власти и пользовавшегося ею мудро и осторожно. Морщины на его чистой и здоровой коже не были следами порока. Они свидетельствовали о честно прожитой жизни, о напряженном, самоотверженном труде, и только. Ясные голубые глаза, густые, тронутые сединой каштановые волосы, разделенные аккуратным пробором и зачесанные вбок над высоким выпуклым лбом, — весь внешний облик этого человека говорил о том же. Он был подтянут и тщательно одет; легкий, практичный костюм как нельзя лучше шел этому человеку, находившемуся в расцвете сил, но в то же время не был крикливым, не подчеркивал, что его обладатель является владельцем многих миллионов долларов и огромного имущества.

Фредерик Трэверс ненавидел все показное. Машина, ожидавшая его у подъезда, была скромного черного цвета. Это была самая дорогая машина в округе, но он отнюдь не был склонен хвастаться ее ценой или мощностью мотора и пускать пыль в глаза всему краю, который почти весь, от песчаных дюн

и неумолчного тихоокеанского прибоя, тучных долин и нагорных пастбищ до далеких вершин, поросших ценными породами дерева, окутанных туманом и облаками, тоже принадлежал ему.

Шорох юбок заставил его резко обернуться. Чувствовалось, что он немного раздражен. Но поводом к этому было вовсе не появление дочери. Что бы там ни было, но, казалось, источник раздражения лежал на столе, за которым он сидел.

— Повтори, пожалуйста, это странное имя, — попросила дочь. — Никак не могу его запомнить. Видишь, я принесла блокнот, чтобы записать...

Она была высокой, хорошо сложенной, белокожей молодой женщиной. В ее низком, бесстрастном голосе, в спокойной манере держаться чувствовалась та же привычка к порядку и сдержанности.

Фредерик Трэверс стал разглядывать подпись на одном из двух писем, лежавших на столе.

— Бронислава Пласковейцкая-Трэверс, — прочел он, потом по буквам продиктовал первую, трудную часть фамилии.

— Так вот, Мэри, — добавил он, — помни, что Том всегда был легкомысленным человеком, и ты не должна подходить к его дочери с обычной меркой. Уже одно имя ее... э... как бы это сказать... приводит в замешательство. Я не видел Тома много лет, а что касается ее...

Он пожал плечами и больше уже не говорил о своих сомнениях. Потом он улыбнулся и попытался обратить все в шутку.

— Но, так или иначе, они тебе родственники, как и мне. Раз он мой брат, значит тебе он приходится дядей. И если она моя племянница, то вы кузины.

Мэри кивнула:

— Не беспокойся, папа. Я буду ласкова с ней, бедняжечкой. Какой национальности была ее мать? Дать дочери такое ужасное имя!

— Не знаю. Русская, или полька, или испанка, или что-то в этом роде. В этом весь Том... Она была актрисой или певичкой... Не помню точно. Они познакомились в Буэнос-Айресе и тайно бежали. Ее муж...

— Так она была замужем!

Удивление и испуг, прозвучавшие в голосе Мэри, были такими неподдельными и неожиданными, что раздражение, которое испытывал ее отец, стало более заметным. Он вовсе не хотел пугать ее. Просто сорвалось с языка.

— Конечно, потом она получила развод. Мне неизвестны подробности. Ее мать умерла в Китае... Хотя нет, на Тасмании. А вот в Китае Том...

Он так быстро закрыл рот, что губы издали нечто вроде щелчка. Нет, больше он не проговорится. Мэри помедлила немного и пошла к двери. Здесь она задержалась.

— Я велела приготовить для нее комнаты над цветником, где розы... — сказала она. — Пойду еще раз погляжу, все ли в порядке.

Фредерик Трэверс снова повернулся к столу, чтобы убрать письма, но потом передумал и внимательно перечитал их.

Дорогой Фред!

Давно уже я не был так близко от родных мест, и мне вдруг захотелось заглянуть домой. К сожалению, мой юкатанский «проект» прогорел (кажется, я тебе о нем писал), и я, по обыкновению, остался без гроша за душой. Не можешь ли ты подбросить

мне что-нибудь на дорогу? Хотелось бы приехать в первом классе. Да, кстати, Полли со мной. Интересно, как вы с ней поладите?

Том.

Р. С. Если это тебя не затруднит, пришли деньги со следующей почтой.

Другое письмо, как ему показалось, было написано странным, неанглийским почерком, но явно женской рукой.

Дорогой дядя Фред!

Папа не знает, что я пишу вам. Он рассказал мне, о чем написал. Это неправда. Он хочет вернуться, чтобы умереть дома. Он не знает об этом, но я говорила с врачами. И ему приходится ехать домой, потому что у нас нет денег. Мы живем в душных меблированных комнатухах, и здесь не место для папы. Всю жизнь он помогал другим, и теперь пора помочь ему. Его юкатанский «прожект» не прогорел. Он вложил в это дело все, что имел, но его попросту ограбили. Он не мог действовать теми же средствами, что дельцы из Нью-Йорка. Этим объясняется все, и я горжусь им.

Он все смеется надо мной и говорит, что я никогда не смогу поладить с вами. Но я не согласна с ним. И потом, я никогда в жизни не видела ни одного настоящего кровного родственника, а ведь у вас есть дочь. Подумать только! Настоящая живая кузина!

В ожидании встречи

*Ваша племянница,
Бронислава Пласковейцкая-Трэверс.*

Р. С. Деньги лучше выслать телеграфом, а то вы можете совсем не увидеть папы. Он даже не подозревает, насколько серьезно болен, и если встретит

старых друзей, то опять затеет какое-нибудь сумасшедшее предприятие. Он уже начинает поговаривать об Аляске. Говорит, что она вышибет из него все болячки. Вы извините меня, но я вынуждена сообщить вам, что нам предстоит заплатить за пансион, иначе мы приедем без багажа.

Б. П.-Т.

Фредерик Трэверс открыл дверцу большого, встроенного в стену сейфа и аккуратно сложил письма в отделение под табличкой «Томас Трэверс».

— Бедный Том! Бедный Том! — сказал он со вздохом.

II

Большой автомобиль стоял у вокзала, и Фредерик Трэверс был взволнован, как это случалось с ним всякий раз, когда он слышал далекий гудок паровоза, спускавшегося в долину Айзек Трэверс-ривер. Айзек Трэверс первым из всех направлявшихся на запад белых людей увидел эту великолепную долину, ее богатые рыбой воды, ее плодородные доли и покрытые девственным лесом склоны. А увидев, он вцепился в нее и уже не выпускал из рук.

«Бедолага», — говорили о нем, когда время массового заселения новых земель еще не пришло. Это было в те времена, когда здесь поистощилось золотишко, но еще не было ни дорог, ни буксиров, чтобы перетаскивать суда через опасное мелководье, и его одинокая мельница молола пшеницу под охраной вооруженных стражей, отражавших разбойные наскоки индейцев кламатов.

Каков отец, таков и сын, и то, что Айзек Трэверс захватил, Фредерик Трэверс удержал. У него была

та же цепкая хватка. И оба они были прозорливы. Оба предвидели преобразование Крайнего Запада, строительство железной дороги и нового города на тихоокеанском побережье.

Паровозный гудок взволновал Фредерика Трэверса еще и потому, что эта железная дорога была делом его рук. Отец его до самой смерти страстно мечтал о том, чтобы проложить дорогу через горы, но строительство каждой мили такой дороги стоило не менее сотни тысяч долларов. Он, Фредерик, осуществил мечту отца. Ради железной дороги он работал ночами, подкупал газеты, ввязывался в политические интриги, субсидировал партийные машины и не раз на свой страх и риск ездил обивать пороги у железнодорожных магнатов Востока. Весь округ знал, сколько миль его земли попало в полосу отчуждения железной дороги, но никому в округе и во сне не могло присниться, как много долларов было истрачено на поручительства и приобретение железнодорожных бумаг. Он немало сделал для своего округа, и железная дорога была его последним и самым большим достижением, венцом его деятельности, важным и удивительным делом, завершенным чуть ли не вчера. Железная дорога работала каких-нибудь два года, но дивиденды уже были не за горами, а это являлось высшим доказательством его дальновидности и рассудительности. Не за горами была и более высокая награда. Поговаривали, что имя следующего губернатора Калифорнии будет Фредерик А. Трэверс.

Двадцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз видел своего старшего брата, да и то после десятилетнего перерыва. Он хорошо помнил ту ночь. Только Том мог рискнуть войти ночью в мелковод-

ное устье реки, и в тот раз, подгоняемый крепчавшим зюйд-остом, после заката солнца он провел свою шхуну через мелководье и еще до рассвета ушел обратно. И никакого предупреждения о своем приезде: в полночь стук копыт, взмыленная лошадь на конюшне, и Том явился, по словам матери, не стерев с лица брызг соленой морской воды. Он пробыл дома только час и умчался на свежей лошади. Порывисто хлестал по стеклам ливень, в ветвях секвой стонал крепкий ветер, да и самый приезд его остался в памяти как внезапный и сильный шквал, налетевший из диких просторов.

Неделей позже, пробившись сквозь бурю и мели, прибыло сторожевое таможенное судно «Медведь», а в местной газете появилась заметка, и в ней были высказаны предположения относительно выгрузки большой партии опиума и о тщетных поисках таинственной шхуны «Зимородок». Только Фред, его мать да кое-кто из местных индейцев знали о спрятанной в конюшне лошади, которую потом тайком, окольным путем отвели назад в рыбацью деревушку на побережье.

И хотя прошло двадцать лет, из пульмановского спального вагона вышел все тот же Том. Брату показалось, что он не был больным. Постарел, конечно. Из-под панамы выбивались седые волосы, и, несмотря на еле уловимую старческую сутулость, могучие плечи его были все еще широки и прямы. При виде же молодой женщины, приехавшей с братом, Фредерика Трэверса вдруг охватило чувство неприязни. Оно было смутным, но довольно ощутимым. Смешно и нелепо, но виной тому было ее отлично сшитое полотняное платье заграничного покроя, вызывающе яркая полосатая блузка, черные непокор-

ные волосы и щегольской пучок маков на соломенной широкополой шляпе. Возможно, его смутила ее броская, яркая внешность: черные глаза и брови, пламенный румянец на щеках, ослепительный блеск ровных зубов, которые она показывала слишком охотно. «Избалованный ребенок», — едва успел подумать он, но брат уже держал его за руку и знакомил с племянницей.

Первое неприятное впечатление подтвердилось. У нее была броская манера говорить, и она жестикувала. Он не мог не отметить, что у нее очень маленькие руки. Они до смешного малы. Опустив глаза, он увидел такие же маленькие ноги. Не обращая внимания на толпу любопытных, собравшихся на станционной платформе, она остановила Фредерика Трэверса, направившегося было к своему автомобилю, и попросила братьев стать рядом. Улыбавшийся Том подчинился с шутливой покорностью, но его младший брат под взглядами своих сограждан чувствовал себя чрезвычайно неловко. Он признавал только привычную пуританскую манеру поведения. Изъявление родственных чувств было частным семейным делом, а не публичным зрелищем. Хорошо, что она не вздумала поцеловать его. Странно, что она не сделала этого. От нее можно ожидать чего угодно.

Она обняла братьев, заглянула к ним в души сияющим взглядом и словно увидела все, что было у них скрытого, спрятанного, не лежащего на виду.

— А вы действительно братья! — воскликнула она, всплеснув руками. — Это всякий скажет. И все-таки есть различие... Я не знаю только в чем... Это трудно объяснить.

По правде говоря, воздержавшись от объяснения, она проявила такт, до которого было далеко при-

вычно-снисходительной сдержанности Фредерика Трэверса. С зоркостью, присущей художникам, она сразу заметила существенное различие. Внешне они были похожи, черты их лиц безошибочно говорили о том, что они из одного рода, одной семьи, и на этом сходство кончалось. Том был выше дюйма на три, и у него были совершенно седые длинные, как у викинга, усы. Нос орлиный, как и у брата, но покрупнее, а глаза определенно орлиные. Морщины на лице глубже, скулы покруче, щеки более впалые, загар потемнее. Это было лицо очень энергичного человека. И в преклонные годы оно оставалось живым и подвижным. Только у уголков глаз было больше морщинок, а в самих глазах читался характер более твердый, чем у младшего брата. По манере держать себя Фредерик был буржуа, а в непринужденной осанке Тома ощущалось что-то яркое, оригинальное. В них обоих текла одна и та же кровь пионера Айзека Трэверса, только перегнали ее в различных ретортах. Фредерик был таким, каким и следовало быть потомку Айзека, в Томе же чувствовалось что-то необъятное, неуловимое, что-то не присущее роду Трэверсов. И это заметила и поняла в один миг черноглазая девушка. Все, что было непонятного в этих двух людях и их взаимоотношениях, прояснилось в то мгновение, когда она увидела их рядом друг с другом.

— Как во сне, — говорил Том. — Не верится, что я приехал на поезде. А сколько народу! Тридцать лет тому назад здесь жило всего четыре тысячи человек.

— А теперь шестьдесят тысяч, — ответил брат. — И с каждым днем становится все больше. Не хотите ли посмотреть город? У нас много времени.

Пока они ехали по широким, хорошо мощенным улицам, Том все разыгрывал из себя Рипа Ван Винкля, очнувшегося после многолетнего сна. Увидев порт, он поразился. Там, где когда-то якорь его шлюпа ушел футов на десять в воду, он нашел твердую землю и железнодорожные пути, а причалы и верфи выдвинулись еще дальше в море.

— Погодите! Остановитесь! — воскликнул он, проехав несколько кварталов и увидев массивные здания. — Где мы, Фред?

— Четвертый квартал, разве ты забыл?

Том встал и оглядел все кругом, пытаясь распознать очертания местности под нагромождением зданий.

— Я... мне кажется... — начал он неуверенно. — Нет, я уверен в этом. Здесь мы обычно охотились на кроликов и стреляли в зарослях серых дроздов. А там, где сейчас стоит здание банка, был пруд. — Он обернулся к Полли. — Там я построил свой первый плот и впервые хлебнул водички.

— Один Бог ведает, сколько ты ее потом нахлебался, — сказал, засмеявшись, Фредерик и кивнул шоферу. — Пожалуй, не меньше бочки.

— Куда там! Больше! — кричала Полли, хлопая в ладоши.

— А там парк, — сказал немного погодя Фредерик, показывая на лесной массив, раскинувшийся на ближнем склоне одного из больших холмов.

— Однажды отец застрелил там трех гризли, — заметил Том.

— Я подарил городу сорок акров этой земли, — продолжал Фредерик. — Отец купил этот участок у Лероя по доллару за акр.

Том кивнул. Как и у дочери, глаза у него загорелись — подобного огня в глазах его брата не появлялось никогда.

— Да, — подтвердил он, — у негра Лероя, что был женат на индианке. Я помню, как он тащил нас с тобой на своем горбу в деревню к дружественному племени в ту ночь, когда индейцы сожгли ранчо, а отец остался и отстреливался.

— Но ему не удалось спасти мельницу. Это сильно подорвало его дела.

— И все же четырех индейцев он уложил.

В глазах у Полли появился тот же огонек.

— Он сражался с индейцами! — воскликнула она. — Расскажите мне о нем.

— Расскажи ей о Переправе Трэверса, — попросил Том.

— Это была переправа через реку Кламат на пути в Орлеанз-Бар и Сискию. В то время там велись большие разработки, и отец, кроме всего прочего, обосновался в тех местах. К тому же на речных террасах была очень плодородная земля. Он построил подвесной мост, доставил с побережья строительные материалы и матросов, и они сплели канаты на месте. Это обошлось ему в двадцать тысяч долларов. В первый же день по мосту прошло восемьсот мулов, отец получил по доллару с головы, кроме того, он брал деньги с каждого всадника и пешехода. Но в ту же ночь река вышла из берегов. Мост был футов на сто сорок выше нормального уровня реки. И все же в паводок вода поднялась еще выше и смыла мост. А то бы отец сразу разбогател.

— Да я совсем не об этом, — нетерпеливо заговорил Том. — Именно там, на Переправе Трэверса,

на отца и старого Джейкоба Ванса напала шайка индейцев с Бешеной Речки. Они убили старого Джейкоба как раз у самой бревенчатой хижины. Отец втащил тело внутрь и отстреливался от индейцев целую неделю. Отец был неплохим стрелком. Он похоронил Джейкоба под полом хижины.

— Я до сих пор еще держу переправу, — продолжал Фредерик, — хотя теперь там не так оживленно, как в старые времена. Я отправляю грузы в фургонах до Резервации, потом на мулах вверх по Кламату, вплоть до притоков Малого Лосося. По дороге на Резервацию у меня теперь двенадцать подстав, а там у меня гостиница. Обслуживание туристов начинает приносить доход.

И девушка с любопытством и задумчиво глядела то на одного, то на другого, пока братья так по-разному говорили о себе и о жизни.

— Да, отец был настоящий человек, — пробормотал Том.

Он сказал это таким вялым тоном, что дочь бросила на него быстрый взгляд, полный беспокойства. Машина повернула к кладбищу и остановилась у массивного склепа на вершине холма.

— Я думал, тебе захочется побывать здесь, — сказал Фредерик. — Мне пришлось построить большую часть этого мавзолея собственными руками. Мать хотела, чтобы отца похоронили достойно, а имущество было страшно обременено долгами. Я торговался с подрядчиками, но они запросили за постройку не менее одиннадцати тысяч. А мне он обошелся в восемь тысяч с небольшим.

— Ты, должно быть, работал по ночам, — восхищенно пробормотал Том. Голос у него был совсем сонный.

— Работал, Том, и не одну ночь. При свете фонаря. А дел было по горло. Я тогда реконструировал водоснабжение (с артезианскими колодцами ничего не вышло), и мать мучилась с глазами. Помнишь, я писал тебе, у нее была катаракта. Она была так слаба, что не могла поехать к врачам, и я вызвал специалистов из самого Сан-Франциско. Да, работы было по горло. Я как раз ликвидировал убыточную паромную линию до Сан-Франциско, которую основал отец, и мне приходилось выплачивать проценты по закладной на сумму сто восемьдесят тысяч долларов.

Он замолчал, услышав тихий храп. Том спал, опустив голову на грудь. Полли многозначительно посмотрела на дядю. Потом отец ее беспокойно заворочался и поднял отяжелевшие веки.

— Чертовски жаркий день, — сказал он с виноватой улыбкой. — Я, кажется, заснул. Нам еще далеко?

Фредерик кивнул шоферу, и машина тронулась.

III

Дом, который Фредерик Трэверс построил, став состоятельным человеком, был большим и дорогим, комфортабельным и удобным, лучшим загородным домом во всем округе. И порядки в нем вполне соответствовали характеру хозяев. Но после приезда брата все в доме переменилось. Спокойному и размеренному образу жизни пришел конец. Фредерик чувствовал себя не в своей тарелке. Началась непривычная суматошная жизнь, заведенный порядок и традиции были нарушены. Садись за стол, когда хотели. Иногда среди ночи разогревали ужин, в самые неподходящие часы суток вдруг раздавались взрывы смеха.

Фредерик был воздержанным человеком. Самое большое безрассудство, которое он мог позволить себе, — это стакан вина за обедом. Он выкуривал три сигары в день и делал это либо на широкой веранде, либо в курительной комнате. Для чего же еще существует курительная комната? Сигареты вызывали у него отвращение. А брат его то и дело сворачивал тонкие сигареты и курил их где придется. Большое удобное кресло, в котором он любил сидеть, и подушки диванов были усыпаны табачной крошкой. И потом эти коктейли! Воспитанный в строгом духе Айзеком и Элизой Трэверс, Фредерик считал употребление спиртных напитков в доме просто неприличным. Именно за это Господь покарал древние города. А Том перед ленчем и обедом неизменно смешивал бесчисленное множество разных коктейлей, причем с помощью Полли, которая поощряла его возлияния. Она поистине была знатоком приготовления этих сногшибательных смесей, рецепты которых она изучила бог знает где. Временами Фредерику казалось, что его буфетная и столовая превратились в бары. Когда он вроде бы в шутку сказал об этом Тому, тот заявил, что, если бы ему удалось сколотить состояние, он завел бы по винному погребку в каждой комнате дома.

В доме стало бывать гораздо больше молодых людей, чем раньше, и они помогали разделяться с коктейлями. Фредерик рад был бы объяснить их посещение именно этим обстоятельством, но он знал истинную причину. Брат и его дочь сделали то, что не могли сделать ни он сам, ни Мэри. Они притягивали людей словно магниты. Вокруг них всегда были юность, радость, смех. Дом наполнила молодежь.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРЕПАХИ ТАСМАНА

Клянусь черепахами Тасмана. <i>Перевод Д. Жукова</i>	7
Вечность форм. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	48
История, рассказанная в палате для слабоумных <i>Перевод Н. Жутовской</i>	66
Бродяга и фея. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	80
Блудный отец. <i>Перевод Д. Жукова</i>	99
Первобытный поэт. <i>Перевод Г. Злобина</i>	119
Finis. <i>Перевод С. Антонова</i>	132
Конец истории. <i>Перевод Н. Rogовской</i>	156

ДЛЯ ХРАБРОСТИ

Ч. Лондон. Предисловие. <i>Перевод Е. Романовой</i>	193
Для храбрости. <i>Перевод Л. Беспаловой</i>	198
Тайфун у берегов Японии. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	211
Спасенный браконьер. <i>Перевод М. Шишмаревой</i>	218
На берегах Сакраменто. <i>Перевод М. Богословской</i>	231
Крис Фаррингтон, бывалый моряк <i>Перевод Е. Романовой</i>	244
Абордаж отражен. <i>Перевод Е. Романовой</i>	254
Приключение в воздушном океане <i>Перевод Норы Галь</i>	262
Лысомордый. <i>Перевод Е. Романовой</i>	270
В заливе Эдо. <i>Перевод Е. Романовой</i>	274
Их дело — жить. <i>Перевод Е. Романовой</i>	284